

— Мелюзга... — ленивый, томный женский голос прозвучал над самым ухом.

Цзянь Хуай почувствовал, как сердце сжалось, и невольно нахмурился.

— Не находишь, что у меня красивые руки?

— Твой отец обожал смотреть, как они скользят по клавишам. Он говорил, что они прекрасны... так элегантно...

Мягкое, едва уловимое прикосновение проскользило по бровям, векам, подбородку. Она приближалась; сладковатый, приторный аромат смешивался с её дыханием, от которого по шее пробежал неприятный холодок.

Цзянь Хуай мелко задрожал.

«Отец?»

Он резко открыл глаза в темноте. Длинные густые ресницы затрепетали в лунном свете. Цзянь Хуай судорожно вздохнул и, оперевшись на руки, сел в постели.

В глубокой ночной тишине, когда весь мир, казалось, замер, он слышал лишь собственное прерывистое дыхание. Застыв, он уставился в окно. Он смотрел в пустоту, и лишь холодный серп луны отражался в глубине его бездонных зрачков.

Резкий лунный свет заливал беззвёздное небо.

Цзянь Хуай провёл длинными пальцами по щеке, и рука спустилась к бледной шее. Под кожей билась жилка, по которой растекалась тонкая сеть синеватых вен.

— Мяу! — внезапно раздался пронзительный кошачий крик.

Цзянь Хуай резко отдернул руку.

— Кха! Кха-кха! — он согнулся, прижимая ладонь к губам, и зашёлся в неудержимом кашле.

За стеклом, на бетонном подоконнике, замерла белая кошка. Она смотрела внутрь комнаты своими ледяными голубыми глазами, словно пристально наблюдала за ним.

— Доброе утро, малыш!

Стоило Цзянь Хуаю распахнуть ворота, как он увидел Лу Уцзэ. Тот подждал его снаружи, прислонившись к стене. Услышав звук, он мгновенно обернулся и широко улыбнулся, сверкнув зубами.

Цзянь Хуай кивнул и, заперев дверь, неспешно вышел со двора.

Лу Уцзэ выпрямился и по-хозяйски взъерошил волосы Цзянь Хуая. Он скользнул рукой ниже, ложась на плечо и притягивая парня к себе.

— Купил тебе булочки с чашао и вонтоны, — он приподнял другую руку, в которой держал пакет.

— Хорошо, — Цзянь Хуай не стал отстраняться.

Он послушно прижался к груди Лу Уцзэ, уткнувшись носом в его шею. Голос его звучал глухо. Знакомый, едва уловимый запах пота, исходивший от него, не был неприятным — напротив, он подействовал умиротворяюще, и напряжение в лице Цзянь Хуая, не покидавшее его с самого пробуждения, исчезло.

Лу Уцзэ обнимал его за плечи. Они уже собирались идти, но он вдруг помедлил и, склонив голову, заглянул Цзянь Хуаю в лицо.

— Опять не спал?

На бледной коже Цзянь Хуая тёмные круги под глазами были особенно заметны, придавая ему изнурённый вид.

— Кажется, приснился кошмар, — тихо отозвался тот. — Но стоило проснуться, как я всё забыл.

— Может... — осторожно предложил Лу Уцзэ, — сходим к врачу? Нельзя же совсем не спать.

Цзянь Хуай плотно сжал тонкие губы.

— Нет, — отрезал он. На бледном лице отразилось явное неприятие.

Он ускорил шаг, уходя вперёд. Глядя на него, Лу Уцзэ лишь вздохнул — не посмев больше ничего сказать, он поспешил следом.

У школьных ворот они наткнулись на Шан Цзиншэна.

Тот, едва завидев Цзянь Хуая, быстрым шагом направился к ним, но парень прошёл мимо с каменным лицом, полностью его игнорируя.

Когда они поравнялись, Шан Цзиншэн протянул руку и крепко перехватил локоть Цзянь Хуая. Он на мгновение вспыхнул яростью, которая тут же сменилась спокойствием, стоило ему коснуться парня. Впрочем, это спокойствие продлилось лишь секунду.

— Отпусти, — Лу Уцзэ сжал большой палец Шан Цзиншэна, и голос его прозвучал угрожающе низко. — Иначе я его тебе сломаю.

Шан Цзиншэн, не отрывая взгляда от Цзянь Хуая, всё же соизволил покоситься на соперника. Его лицо было изящным, почти красивым, но волосы, скрывавшие глаза, придавали ему мрачный вид.

Он презрительно хмыкнул:

— Попробуй, сломай. Посмотрю я на тебя.

Лу Уцзэ не стал тратить время на пустую болтовню. Он просто сжал кулак и нанёс удар.

Шан Цзиншэн уклонился, проскользнул мимо Цзянь Хуая и нанёс ответный удар ногой. Драка вспыхнула мгновенно — прямо у главного входа в школу, на глазах у всех.

Цзянь Хуай стоял рядом. Он даже не пытался их разнимать. Поняв через пару минут, что это затягивается, он мельком взглянул на часы.

— Лу Уцзэ, идём.

Сказав это, он просто развернулся и вошёл на территорию школы.

Лу Уцзэ тут же прекратил бой. Не удостоив Шан Цзиншэна даже взглядом, он подхватил с земли рюкзак и пакет с завтраком и побежал догонять Цзянь Хуая.

Шан Цзиншэн не бросился в погоню.

Он вытер разбитый угол рта и негромко выругался в адрес Лу Уцзэ. Проводив взглядом удаляющуюся пару, поднял какой-то сверток, лежавший поблизости, и с силой швырнул его на

асфальт. Тяжело наступив на него ногой, раздавил вещь, нанёс резкий удар носком и ушёл.

Столпившиеся вокруг ученики зашептались. Один любопытный подошёл ближе и поднял брошенную вещь.

— Ого! Это же игровая приставка последней модели! Она и недели назад ещё не вышла...

— Серьёзно? Она же бешеных денег стоит! Я хотел накопить, но потом передумал.

— Жаль, раздавлена вдребезги. Такую уже не починишь...

— Думаете... Шан Цзиншэн хотел подарить её тому парню?

— Наверняка! Иначе зачем бы он торчал у входа?

— Да ну, бред! Это же Цзянь Хуай, Сюэба из одиннадцатого. Говорят, он как-то избил Шан Цзиншэна, и школа даже ухом не повела. У отличников свои привилегии!

Лу Уцзэ догнал Цзянь Хуая.

— Малыш, вонтоны пролились...

Сейчас он походил на большого пса, который поджал уши — от былой ярости в драке не осталось и следа.

— Значит, не будем их есть, — ровным голосом ответил Цзянь Хуай, продолжая идти.

— Но я специально стоял за ними в очереди! Это всё из-за этого гада Шан Цзиншэна! — обиженно воскликнул Лу Уцзэ, невольно повысив голос. — Ты же их больше всего любишь!

— Ты сам полез в драку. Чего теперь ныть? — Цзянь Хуай поднял голову и посмотрел Лу Уцзэ прямо в глаза.

Лу Уцзэ промолчал. Глядя в это бледное, чуть вскинутое лицо, тот внезапно почувствовал, как к щекам приливает жар. В голове закрутились сумбурные мысли: «Малыш такой красивый... Как кто-то может быть настолько идеальным? Каждая черточка — прямо в сердце...»

Он невольно посмотрел на губы Цзянь Хуая. Завороженно рассматривал их очертания.

Видя, что Лу Уцзэ застыл истуканом, Цзянь Хуай развернулся, чтобы войти в класс. Тот, всё ещё витая в облаках, спохватился, что его сокровище уходит, и резко схватил его за руку.

Цзянь Хуай с глухим стуком врезался лицом в Лу Уцзэ. Высокая переносица пришлась прямо в подбородок.

— Мх-м... — вырвалось у Цзянь Хуая, в то время как Лу Уцзэ с силой ударил его скулой в лоб.

Обоих прошила резкая боль.

— О-о-о!..

Ученики в классе, которые тайком наблюдали за ними, решили, что они целуются, и дружно ахнули.

Лу Уцзэ, не обращая внимания на боль в носу, поспешно обхватил лицо Цзянь Хуая за подбородок.

— Малыш, ты как?

Он увидел, как в прищуренных глазах парня заблестели слёзы, и засуетился:

— Очень больно, да? Пойдём, пойдём в медпункт.

В носу у Цзянь Хуая нещадно свербило. Глядя сквозь пелену на взволнованного Лу Уцзэ, который чуть ли не кругами вокруг него бегал, он тихо буркнул:

— Придурок.

Но в интонации промелькнула едва заметная тёплая нотка.

Он моргнул, прогоняя влагу из глаз, и, протянув указательный палец, мазнул под носом у Лу Уцзэ.

— Похоже, в медпункт нужно тебе, — с долей иронии произнёс он.

На пальце осталась кровь Лу Уцзэ. Красные капли начали падать на школьную форму.

Цзянь Хуай на мгновение застыл, глядя на кровь, словно впадая в транс. Спустя секунду он резко тряхнул головой, будто вытряхивая туман из внезапно отозвавшегося болью разума.

Затем взял Лу Уцзэ за руку и, стараясь не смотреть на окровавленное лицо, с трудом проговорил:

— Идём. В медпункт.

Цзянь Хуай сидел на белой кушетке в медкабинете.

Уже прозвенел звонок на первый урок. Коридоры опустели, и лишь приглушённое гудение голосов из классов доносилось сквозь приоткрытую дверь.

Школьный врач бегло осмотрел их, заткнул ноздри Лу Уцзэ двумя ватными тампонами и выставил обоих вон.

— Хуай-хуай, — прогнусавил Лу Уцзэ, — ты иди на уроки, а я схожу ещё раз куплю тебе завтрак.

Цзянь Хуай отвернулся.

— Я не голоден. Иди на занятия.

— Всё равно я там ничего не смыслю, — не унимался Лу Уцзэ.

Когда они подошли к кабинету Цзянь Хуая, Лу Уцзэ заметил их классную руководительницу, учительницу Хуан. Она стояла у кафедры и с явным недовольством поглядывала на них сквозь стекло двери.

Лу Уцзэ сунул рюкзак в руки Цзянь Хуая и прошептал ему на ухо:

— Живо заходи, а то твоя «училка» совсем разозлится.

После чего, подхватив свою сумку, припустил прочь.

Цзянь Хуай, конечно, тоже заметил учительницу.

Сжимая лямки рюкзака, он прошёл к своему месту и начал молча раскладывать учебники.

Дин Ханьюй тут же развернулся к нему и зашептал:

— Наша тут только что была, спрашивала, где тебя носит. А этот ушлёпок Ван Ли давай нести всякую чушь — орёт на весь класс, что видел, как вы с Лу Уцзэ лизались! Ну скажи, разве два мужика могут целоваться?!

— Этот придурок сам же видел, что вы столкнулись лбами и у того нос пошёл, но всё равно нарочно плетёт гадости, чтобы тебя опорочить.

— Он просто «вечно второй», вот и бесится от зависти, что ты его обходишь, — подвёл итог Дин Ханьюй.

— Дин Ханьюй! О чём это ты там шепчешься? Встань и читай вслух! — Учительница Хуан поправила очки и сошла с кафедры, останавливаясь прямо у их стола. — Цзянь Хуай, ты опоздал. После первого урока зайдёшь ко мне в кабинет.

Цзянь Хуай кивнул в знак согласия.

Стоящий рядом Дин Ханьюй, следуя за старостой по литературе, начал громко декламировать текст:

— «Одарённый красою внутренней, я и доблестью наделён двойной...»

Цзянь Хуай бросил на него взгляд и тоже поднялся с места.

— Учитель, я тоже разговаривал. Буду читать вместе с ним.

Классная руководительница некоторое время пристально на него смотрела. В этот момент за ней зашёл другой учитель и позвал её в коридор. Тогда она наставительно произнесла:

— Продолжайте читать внимательно. На уроке буду вызывать для пересказа. — С этими словами она вышла.

Стоило ей скрыться, как голоса в классе заметно поутихли.

Сидевший через ряд Ван Ли обернулся и во весь голос крикнул Цзянь Хуаю:

— Эй, гомик! Твой хахаль смылся? Фу, какая гадость! — Он начал корчить рожи, издеваясь над парнем: — Решили на глазах у всех слюнями обменяться? Больные, нечего вам в школе делать, ещё заразите кого...

В классе мгновенно воцарилась гробовая тишина.

Цзянь Хуай не проронил ни слова. Он не злился, лишь поднял глаза и в упор уставился на Ван Ли. Его взгляд, холодный и острый, словно лезвие ножа, заставил того невольно поперхнуться.

Зато Дин Ханьюй так рассвирепел, что едва не бросился в драку.

— Ты что там вякнул, подонок?!

Он успел сделать лишь пару шагов, как в класс ворвалась высокая фигура. Чья-то рука железной хваткой вцепилась в воротник Ван Ли.

— Ну-ка повтори, выродок. Что ты сейчас сказал?

Лу Уцзэ вернулся с завтраком. Он хотел поскорее отдать еду Цзянь Хуаю, боясь, что тот останется голодным, но стоило ему подойти к двери, как услышал, как какой-то очкастый слизняк оскорбляет его сокровище. Тот, кого он с самого детства оберегал больше жизни, подвергался гнусным насмешкам. Этого он простить не мог.

Одной рукой Лу Уцзэ приподнял Ван Ли за шкурку, а другой аккуратно поставил свежий пакет с едой на стол Цзянь Хуая.

Заметив, что тот стоит, он мягко надавил ему на плечо, заставляя сесть, и наказал:

— Ешь скорее, а то остынет.

Убедившись, что всё в порядке, он собрался вытащить Ван Ли из класса.

Тот затрясся мелкой дрожью, от страха едва выговаривая слова:

— Лу... Лу Уцзэ... Другие тебя, может, и боятся, но только не я! Мой отец — директор школы! Ты... ты не посмеешь меня тронуть...

Лу Уцзэ ослабил, обнажив зубы, но в его глазах не было ни капли веселья — лишь ледяная стужа.

— Хочешь проверить?

Цзянь Хуай за последнее время немного поднаторел в житейских делах.

Он неспешно подцепил палочками вонтон и, не вставая с места, негромко бросил Лу Уцзэ:

— Не ищи неприятностей.

Лу Уцзэ понял: Цзянь Хуай беспокоится о нём. Тот махнул рукой, давая понять, что всё под контролем:

— Не буду. Ты ешь давай, скоро урок начнётся.

Ван Ли с истошным визгом был вытасчен из класса.

Цзянь Хуай не стал мешать. Он просто опустил голову и принялся спокойно доедать свой завтрак.

Дин Ханьюй так и застыл с разинутым ртом. В кабинете было так тихо, что слышны были лишь редкие звуки, с которыми Цзянь Хуай проглатывал еду.

Цзянь Хуай мельком взглянул на старосту по литературе, Чэнь Лили, которая в растерянности застыла у доски, и тихо произнес:

— Читаем дальше.

— А... Да, хорошо...

Миниатюрная Чэнь Лили откашлялась и повела класс за собой. Все тут же вернулись к чтению, словно и не заметили исчезновения Ван Ли. Никто и не подумал идти жаловаться учителям.

Дин Ханьюй тоже сел на своё место.

— Туда этому ублюдку и дорога. Пусть брат Лу его хорошенько проучит.

Он невольно засмотрелся на то, как Цзянь Хуай ест. Во рту у него скопилась слюна, а живот, хоть он и позавтракал совсем недавно, предательски заурчал.

Цзянь Хуай услышал это и замер.

Дин Ханьюй неловко хохотнул, мгновенно залившись краской.

Цзянь Хуай, не поднимая глаз, заглянул в пакет, где лежали купленные Лу Уцзэ булочки. Он достал две штуки, протянул их соседу и молча продолжил свою трапезу.

Дин Ханьюй ошарашенно уставился на булочки.

Цзянь Хуай всегда был холоден и нелюдим. Его отчужденность многих отталкивала, и мало кто решался к нему подойти. Лишь Дин Ханьюй с его непробиваемым характером постоянно крутился рядом, пытаясь разговаривать соседа.

Он и подумать не мог, что однажды дождётся от него такого жеста. Неужели их соседская дружба в этот момент вышла на новый уровень?

Дин Ханьюй расплылся в улыбке и откусил пышную булочку, за которую Сяобе пришлось так потрудиться.

Во рту стало тепло и вкусно.

Ух!

Объедение!

Дин Ханьюй показал Цзянь Хуаю большой палец и принялся с аппетитом уплетать подарок.

<http://bllate.org/book/17462/1698092>